

Отзыв официального оппонента на диссертацию Алексева Павла Викторовича «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма» представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература» (филологические науки)

Так уж получилось, что мы хорошо знакомы с предшествующей работой Павла Викторовича, его диссертацией на соискание степени кандидата филологических наук «Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820-1830-х гг.» и поэтому готовы оценить и концептуальную преемственность актуальной диссертации по отношению к исследованию десятилетней давности, и ее потенциальную новизну.

В аспекте **актуальности** диссертации следует отметить прежде всего то, что она встраивается в русло активно распространяющихся постколониальных исследований в зарубежной и отечественной культурологии, истории литературы, компаративистике. Развивается и региональная, если так можно выразиться, культурология национальных республик России, прежде всего кавказских, в которых молодые национальные кадры пытаются и ученически, и творчески развивать постулаты западного постколониализма на материале общероссийской и региональной истории литературы, своей национальной культуры. С другой стороны, даже в работе Павла Викторовича проскальзывают знакомые нам комментарии из советской историографии о «национально-освободительной борьбе» народов России с проклятым царизмом и Российской империей, где все поэты, прежде всего романтически настроенные, непременно сочувствовали страданиям «угнетенных народов». То есть, налицо удивительное совпадение современного постколониального дискурса с реактуализацией хорошо забытой, в основе своей субверсивной и суицидальной практики советской критики российского империализма как «чужой» системы. Кроме того, как междисциплинарный дискурс активно развивается в отечественной культурологии и имагинативная география реальных и воображаемых локусов, основные понятия которой продуктивно использованы в диссертации. Третьим аспектом актуальности исследования стала методология «travel theory», принцип подвижной идентичности и ее поиска, ставший основой третьей главы диссертации, посвященной русскому ориентальному травелогу.

Конечно, в качестве внегуманитарных причин актуализации тематики диссертации можно указать и на возрастающую роль таких стран Востока как Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия в мире, и на обострение отношений России с суннитским Востоком, и на якобы имперские амбиции нынешней России, повторяющие стратегию ее исторических предшественников, и на культурные конфликты уроженцев Кавказа и Средней Азии с жителями крупных российских городов, и еще на многое, многое другое. Благо, что

проблемы «ориентальности» России снова стали зоной открытой и свободной дискуссии внешней и внутренней гуманитарной критики с официальным дискурсом.

Особо отметим влияние на отечественную постколониальную культурологию небезынтересной с концептуальной, но ужасной с фактологической точки зрения книги нашего бывшего соотечественника Александра Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России», авторизованный перевод которой на русский язык вышел в 2013 г. Как лидер такого тренда исследований и авторитетный славист Эткинд подвизается в качестве ведущего теоретика постколониальной культурологии и редактора сборников соответствующего направления в России. Как известно, одним из аспектов теории специфической российской колонизации у него стала в целом весьма перспективная гипотеза об особом «внутреннем Востоке» России, далеком от собственно географических представлений. Эти же представления разделяет и наш автор: «Изобретение русского образа Востока (иначе – Оrients) протекает в двух направлениях – в отношении внутреннего и внешнего «другого». Внутренний Orient XIX века – это не только колониальные фронтеры (Крым, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Аляска, Средняя Азия), но и культура русского крестьянства, противопоставленного включенному в западноевропейские общественные институты дворянству и разночинному образованному слою общества. Внешний Orient – это страны традиционных (не только колониальных, но и общекультурных) интересов Российской империи: страны средиземноморского бассейна, Закавказья, Леванта, Китая, Индии и др.» (С.5 автореферата).

К чести героя нашего отзыва, он не увлекается собственно внутренней колонизацией и внутрироссийским Востоком, лишь упоминая про них, поскольку это очевидно привело бы к предельному расширению и без того обширного материала работы и сферы компетенции автора. Однако в нескольких перечнях новых «постколониальных» исследований в тексте самой диссертации Эткинду по праву отведено почетное первое место, а в одном из фрагментов работы, посвященном, в виде исключения, как раз «внутрироссийскому» «Очарованному страннику» Н.С. Лескова, избыточное доверие к его интерпретационным фокусам даже привело к ряду не всегда аргументированных суждений, о чем мы подробно выскажемся ниже. В целом же, концепция исследования П. В. Алексеева, как и большинства современных культурологов и литературоведов, занимающихся проблемой Востока, строится на освоении, критике и тем самым преодолении изрядно устаревшего со времени своего издания «Ориентализма» Эдварда Саида.

Для нас двумя принципиально значимыми моментами нового подхода автора работы к проблеме ориентальности в русской литературе стали: 1) медиативная и во многом иницирующая роль европейской литературы, выступавшей в качестве как текстового (переводы с восточных языков и стилизации), так и интерпретирующего посредника между русской и восточной культурами; 2) тенденция рефлексивной самоориентализации,

характерная для русской словесности XIX в. («Каким ты хочешь быть Востоком - Востоком Ксеркса или Христа») - будет вопрошать в конце XIX в. Вл. Соловьев, а князь Э. Э. Ухтомский в предисловии к своему уникальному травелогу будет рассуждать об общности «пестротканого бытия» России и Востока). Первый момент позволяет выстроить некое единое, в том числе и текстовое, поле связей Европа – Восток – Россия, где европейская инициатива почти всегда доминирует.

Автор диссертации далек от безмятежно-благостного представления о «диалоге культур», ему ближе трезвая и даже временами суровая негативная оценка российского имперского подхода к Востоку, восходящая, как уже говорилось выше, сразу к двум очень разным источникам. Тем не менее, его подход остается весьма противоречивым, соответствуя во многом противоположным установкам российской власти и русской литературы: имперской воле к унификации, приручению, модернизации, Просвещению в первой противостоит пафос уникального, свободного, «дикого», самодостаточного во второй. Поэтому в двух следующих друг за другом риторических периодах автор может и посетовать на «...идею полного права вмешательства в дела малых народов Восточной Европы», и заявить о «...борьбе за независимость иллирийских народов от Османской империи... как важнейшей литературной теме» (С.4), хотя в последнем живейшее участие принимала и Российская империя, а не только русская литература.

Следует отметить сбалансированность политического, востоковедческого, религиозно-философского, биографического аспектов в генезисе русских ориентальных текстов, что отражено в названиях параграфов первой главы.

Новизна диссертации заключается в том, что 1) убедительно теоретически обоснована семиотическая специфика ориентализма в русской литературе первой половины XIX в.; 2) доказана особая роль А.С. Пушкина в становлении и рефлексии русской литературной ориентальности; 3) продемонстрирована глубокая взаимосвязь литературного ориентализма и политического дискурса российского государства; соотношения исторических событий, связанных с Востоком и их литературных последствий или предвестий; 4) выявлены черты суфийской поэтики в русских переводах и переложениях персидской арабоязычной поэзии и проанализировано влияние на них внутрилитературного контекста; 5) обоснованно доказано структурное, жанрово-композиционное и сюжетное влияние арабоязычных произведений на тексты русской литературы; 6) впервые наиболее глубоко и аргументированно доказана значимость коранического претекста для «Пророка» А.С. Пушкина и «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова, введены новые источники пушкинских «Подражаний Корану»; 7) систематизированы основные типы ориентального русского травелога; 8) намечены перспективные черты сюжета травелога «русский человек на мусульманском Востоке»; 9) впервые выявлена смежная роль архетипов «поэта» и «тирана», тесная взаимосвязь институтов власти и литературы в имагологии восточного текста; 10) крайне продуктивно

использована методология современной имагинативной географии, не совпадающей с реальной топографией.

Методология исследования удачно сочетает принципы постколониального подхода с более привычными для филологии структурно-семиотическим, мотивным, интертекстуальным типами анализа.

К высокому уровню филологической компетенции следует отнести владение автора языками - в первую очередь арабским – для более точного истолкования смысла источников перевода или переложения и французским – для интерпретации некоторых текстов-посредников. Сильно выросла по сравнению с кандидатской диссертацией теоретическая оснащенность его актуального исследования: теоретико-методологическим аспектам ориентализма посвящены более 60 страниц первой главы, и эти параграфы – одни из наиболее проработанных в диссертации.

Библиографический список включает почти 600 позиций, в том числе более 120 – на нескольких иностранных языках.

Материал исследования и его выводы исчерпывающе отражены в 2-х монографиях, учебном пособии, 32 статьях, в том числе в 16-х опубликованных автором диссертации в рецензируемых изданиях.

В диссертации подробно проанализированы десятки произведений русской литературы XIX в. самых разных жанров, от лирики до беллетризованных травелогов, в том числе и такие прецедентные тексты как «Пророк» и «Подражания Корану» А.С. Пушкина.

Большой объем исследованного историко-литературного материала, опора на выверенные теоретические основания и применение апробированных методов исследования обеспечивают **высокую степень обоснованности и достоверности результатов работы.**

Теперь перейдем к той части нашего отзыва, которую можно назвать «Dubia». Позволим себе обозначить некоторые моменты на уровне как концепции, так и исполнения работы, которые показались нам сомнительными или заслуживающими дискуссии.

Имплицитная типология Оrientsа в диссертации строится на сочетании имагинативно-географических доминант с религиозными. Ясно выделяются (не автором, а в нашем усмотрении), в частности, кораническо-ближневосточный тип ориентальности, кавказско-коранический, персидско-суфийский, в меньшей степени православно-балканский. Автор называет в теоретических или обобщающих параграфах более привычные части Востока, но глубоко исследует только некоторые из них, по-видимому, полагая их внутреннюю схожесть.

Если мы занимаемся культурной концептосферой, где, как и в концептологической лингвистике важны смысловые границы понятий, их центр и периферия, то следовало более тщательно обосновать выбор преимущественно мусульманского Востока как стержня русской ориентальности и его привилегированность по отношению к другим «восточным» топосам. Напомним, что Гегель в своей «Эстетике» включил в

понятие «восточная лирика» в первую очередь поэзию евреев, арабов, персов, поместив на второй план китайцев и индийцев.. Из приведенных в исследовании контекстов ясно, что, возможно, так обстояло дело и для русской литературы: с китайской и индийской культурой русские были еще мало знакомы, смысловая сфера Ветхого Завета уже осознавалась как часть христианской, а не иудейской культуры, она была адаптирована и не осознавалась как «чужая», поэтому именно «мусульманский сверхтекст» стал основой концепта экзотического Востока. Но ведь все это нужно было прокомментировать. Неаргументированных суждений вроде «за скобками подобного рассуждения остается тот факт, что и Библия и Коран в сознании Пушкина и его современников были включены в единую ориентальную парадигму» (С.218) здесь явно недостаточно.

Переоценка роли мусульманства для русской культуры, конечно, необходима в свете интегративной политики нынешнего государства и растущего самосознания российских мусульман, но на этом пути ангажированного исследователя подстерегает немало трудностей, связанных с преувеличением этого влияния. Так, в теме отношения Пушкина к Востоку автор игнорирует вполне лично мотивированный интерес поэта к Китаю и калмыкам («Поедем, я готов...», «Калмычке», побег калмыков из России в Китай в «Истории Пугачева»), в другом параграфе не упоминает про повести и фельетоны арабиста по образованию О. Сенковского, построенные на аллегоризирующем или игровом осмыслении китайских и монгольских мотивов («Похождения одной ревижской души», «Теория образованной беседы» и др.). Не менее симптоматично, в частности, и упоминание в тексте диссертации про Сибирь как один из регионов «внутреннего мусульманского Востока» (С.74), хотя это определение значимо лишь для части Западной и Южной Сибири. Таким образом, «мусульманский текст» стал как бы синекдохой всего Востока русской литературы рассматриваемого периода. Мы не собираемся возражать против возможности такого отождествления части и целого как парадигмы отношений с Востоком и Азией вообще, но в свете обширного теоретизирования автора об ориенталистских подходах нужно было, наверное, уделить больше внимания специфике «мусульманского текста» среди других восточных сверхтекстов русской культуры. Недостаточно внимания, на наш взгляд, несмотря на наличие фрагмента, посвященного «Песням западных славян» и «Кирджали», было уделено яркой ориентальности славянских Балкан, которая сохранит свою актуальность и для второй половины XIX в. Заявленная автором «внутренняя» ориентальность Крыма и Сибири так и осталась не раскрытой, хотя она явно не входила в «список задач» этого объемного исследования.

Особая роль Пушкина и его произведений для русского литературного ориентализма несомненна, но порой тоже демонстрируется автором как-то односторонне: «Всемирная отзывчивость» как универсальная идея, составляющая специфику русского ориентализма, была рождена исключительно благодаря пушкинской стратегии работы с Кораном и пушкинскому пониманию этого священного для мусульман текста» (С.208).

Со своей стороны, мы бы отметили особый вклад О. Сенковского, который продемонстрировал возможности ориентального «прото-постмодернизма», точнее коммерчески «ориентированного» беллетризма в категориях его времени, по отношению к Востоку. Сенковский, конечно, недооценен как автор, уникально сочетающий в себе востоковеда, беллетриста, сатирика. Хотелось бы его переоценки в этой работе, но увы...

В проблеме «Восток и русская литература» есть еще один важный аспект, который, возможно, ускользнул от внимания автора работы. Дело в том, что само понятие «литература» и «литератор» в это время было значительно более широким, включая в себя и различные жанры нон-фикшн. Поэтому, скажем, научно-познавательные статьи и те же травелоги печатались в литературных журналах, а о. Иакинф Бичурин, первый русский синолог, приятель Пушкина считался «литератором», а не только ученым-востоковедом.

Главным же филологическим проколом автора стал некритически воспринятый фрагмент «Конэсер» из книги А. Эткинда «Внутренняя колонизация» (2013), посвященный «Очарованному страннику» Лескова. Нам придется остановиться на интерпретации Павлом Викторовичем «Очарованного странника» Н.С. Лескова (С.292-297) по уже обозначенным выше причинам. Обращаем внимание на то, что в этом фрагменте диссертант в чисто хронологическом отношении вышел далеко как за пределы рассматриваемого периода (1873 г.), так за пределы внешнего Востока в сторону «внутреннего». Напомним шокирующие пропозиции из монографии Эткинда: «Начавшись как разговор равных, история Флягина превращается во встречу европейцев с благородным дикарем»; «Он одет как монах-«черноризец», хотя на самом деле он — монастырский кучер»; «Разочарованные пассажиры постепенно распознают в нем самозванца...».

С исходной посылкой фрагмента текста диссертации П. В. Алексеева, посвященного «Очарованному страннику» («Типология ситуации «освобождения от самого себя в путешествии на Востоке» будет сохранена и во второй половине XIX века» (С.292) можно согласиться. Однако дальнейший ход анализа, явно инспирированный влиянием опуса Эткинда, нас не вполне устраивает. Прочитаем несколько самых характерных пассажей Павла Викторовича: «В этом отношении Флягин — новое типическое явление в русском ориентальном травелоге XIX века — это не странствующий романтик или поэт, обладающий правом «вольности дворянской», — это самоориентализованный дикарь, который помогает прогуливающимся по Ладожскому озеру европейцам осуществить, не сходя с места, воображаемое путешествие...» (С.296-297); «Иронически отстраненная позиция Лескова по отношению к своему персонажу заметна с самого начала повести (Флягин сбивает с толку добропорядочных слушателей своей монашеской одеждой, в то время, как он всего лишь кучер при монастыре) и обозначается в конце (когда даже монахи не поняли, кто он такой, продолжая использовать его как и все прочие — конэсером) (С.296); «Кто этот самозванный монах не ясно до конца повести» (С.296).

Неужели автор не осведомлен о том, что повесть была включена Лесковым в цикл «Праведники»? Глубокомысленные рассуждения Эткинда и диссертанта о якобы нарративной «иронии» автора по отношению к своему герою ничем не обоснованы кроме желания увидеть его якобы иронию. Некритическое отношение автора диссертации к опусу Эткинда нас печалило, тем более, что в остальных частях работы, в основном, продемонстрирована филологическая компетенция, свободная от конфессиональной предвзятости.

Мы вынуждены объяснить и Эткинду, и автору диссертации, что никаких «кучеров» в русских православных монастырях не бывает в принципе. Называть его «самозванцем» тоже нельзя: из диалога с героем становится совершенно ясно, что Флягин уже принял рясофорный или «малый постриг» и новое монашеское имя отца Измаила:

«...я запрягу; а скажут: «отец Измаил, отпрягай», — я откладываю.

— Позвольте, — говорим, — так это что же такое, выходит, вы и в монастыре остались... при лошадях?

— Постоянно-с в кучерах. В монастыре этого моего звания офицерского не опасаются, потому что я хотя и в малом еще постриге, а все же монах и со всеми сравнен.

— А скоро же вы примете старший постриг?»

Автор досконально знает догматику и первоисточники мусульманских текстов, но, к сожалению, не потрудился проверить поверхностные суждения кембриджского «интерпретатора».

Еще несколько полу-придирок, полу-оплошностей касаются, в частности, формирования в русской историографии легенды об Афанасии Никитине к середине XIX в. : «Таким образом, первая половина XIX века отмечена рождением персонального мифа о русском путешественнике... (С.372). «Персональный миф» об Афанасии Никитине невозможен, поскольку его строит сама мифологизирующая себя личность, корректнее был бы общепринятый термин «легенда». «Песни западных славян» в тексте диссертации названы «лирическими текстами», «лирическим циклом». Здесь требуется по крайней мере оговорка в духе пушкиниста Н. В. Измайлова, который признавал очевидную эпичность цикла.

К сожалению, текст диссертации не всегда внимательно вычитан, некоторые опечатки повторяются по 2 раза (например, «просвящение»). Отметим и единичные оплошности грамматики и стиля: «свежесодранной шкуры короля» (С.91); «отсылает на» (с.223); «пророку ангел ...трансформирует организм» (С.229), «опять налицо единая структура» (С.229).

Высказанные выше замечания носят частный характер и не влияют на безусловно высокую оценку работы в целом как фундаментальной и крайне значимой для литературоведения.

Используем и свое право задать несколько важных вопросов «в продолжение размышлений автора»: 1) замена «православных» в первой редакции «Олегова щита» Ф.И. Тютчева на «правоверных» во второй – это

исправление автором своей явной ошибки или здесь можно увидеть некий концептуальный смысл? 2) Цивилизационное противопоставление «Север – Юг», актуальное для Лермонтова («Спор»), могло ли оно в рассматриваемый период русской культуры и литературы до некоторой степени потеснить традиционную оппозицию «Запад – Восток»?

Заключение по работе.

Диссертация Павла Викторовича Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, необходимые для развития современной отечественной литературоведческой ориенталистики, их совокупность можно квалифицировать как научное достижение, она соответствует всем требованиям пунктов 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24 сентября 2013 г. №842. Ее автор, Алексеев Павел Викторович, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература (филологические науки).

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – «Русская литература»), доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, ул. Вилуйская 28, раб. телефон 8-383-244-06-30, maroshi@mail.ru

20.02.2016 Мароши В.В.

